

ЭКОНОМИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКА ТРУДА

ECONOMY OF POPULATION AND LABOR ECONOMICS

Научная статья

DOI: 10.34130/2070-4992-2024-4-2-186

УДК 331.5

Ретроспективный анализ региональных демографических процессов: гендерные аспекты

Елена Александровна Чулкова

Корпорация безопасности, г. Екатеринбург, Российская Федерация, chskl29@inbox.ru

Аннотация. На естественное воспроизводство населения регионов России непосредственно воздействует трансформация его структуры по полу, происходящая из-за чрезвычайно высокой смертности мужчин в конце XX в., а затем в XXI — пандемии COVID-19 и ее последствий. В связи с этим, безусловно, актуально исследование динамики региональных демографических процессов по полу и состояния официально оформленных семейных отношений. Эти процессы во многом зависят от места проживания людей, поэтому важно отдельно рассматривать города и сельскую местность. Цель данной статьи — статистическое исследование динамики численности мужчин и женщин в городах и сельской местности региона, а также анализ брачности в условиях несбалансированности этих показателей (на материалах Оренбургской области). Применяются монографический и статистические методы, системный и комплексный методические подходы. Тенденции динамики численности населения региона с учетом пола и места проживания представлены линейными моделями, которые демонстрируют их устойчивую ежегодную убыль. Постоянно присутствует значительный дисбаланс половозрастной структуры. Процессы разнонаправленные — в городах более высокая убыль мужчин, в селах больше потери женщин. Суммарный коэффициент рождаемости в селах выше уровня простого воспроизводства (превышает показатель по России), но в городах он ниже. Число зарегистрированных браков в регионе больше количества разводов, но дисбаланс населения по полу действует как негативный фактор, ухудшающий ситуацию. Результаты исследования имеют практическое значение, они будут полезны при подготовке стратегий развития и обосновании направлений демографической политики региона. В дальнейшем необходимо исследование динамики формирования и сохранения семейного образа жизни как фактора роста репродуктивного потенциала региона.

Ключевые слова: воспроизводство населения, региональный уровень, различия по полу, брачность, города, сельская местность

Для цитирования: Чулкова Е. А. Ретроспективный анализ региональных демографических процессов: гендерные аспекты // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4. Вып. 2. С. 186–194. <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-2-186>

Article**A retrospective analysis of regional demographic processes: gender aspects****Elena A. Chulkova**

Security Corporation, Yekaterinburg, Russian Federation,

chskl29@inbox.ru

Abstract. *The natural reproduction of the population of Russian regions is directly affected by the transformation of its gender structure, which occurs due to the extremely high mortality rate of men at the end of the 20th century, and then in the 21st — the COVID-19 pandemic and its consequences. In this regard, it is certainly relevant to study the dynamics of regional demographic processes by gender and the state of formalized family relationships. These processes largely depend on where people live, so it is important to consider cities and rural areas separately. The purpose of this article is a statistical study of the dynamics of the number of men and women in cities and rural areas of the region, analysis of marriage and divorce rates in conditions of imbalance of these indicators (based on materials from the Orenburg region). Monographic and statistical methods, systematic and complex methodological approaches are used. Trends in the population dynamics of the region, taking into account gender and place of residence, are presented by linear models that demonstrate their steady annual decline. There is always a significant imbalance in the gender and age structure. The processes are multidirectional — in cities there is a higher loss of men, in villages there is a greater loss of women. The total fertility rate in villages is above the replacement level (exceeds the figure for Russia), but in cities it is lower. The number of registered marriages in the region is higher than the number of divorces, but the imbalance of the population by gender acts as a negative factor that worsens the situation. The results of the study have practical significance; they will be useful in preparing development strategies and justifying the directions of demographic policy in the region. In the future, it is necessary to study the dynamics of the formation and preservation of the family lifestyle as a factor in the growth of the reproductive potential of the region.*

Keywords: *population reproduction, regional level, gender differences, nuptiality, cities, rural areas*

For citation: Chulkova E. A. A retrospective analysis of regional demographic processes: gender aspects. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University]. 2024. Vol. 4, issue 2. Pp. 186–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-2-186>

Введение

В настоящее время в сложных современных условиях проблема воспроизводства населения является актуальной, она становится важным приоритетом национальной безопасности страны. В последние годы вновь активно развиваются процессы депопуляции населения, особенно усиливается их интенсивность на региональном уровне. Исследованию региональных воспроизводственных особенностей посвящены многие публикации как в России [1; 2 и др.], так и в других странах [3–5 и др.]. Отмечается, что на длительное снижение численности населения, и прежде всего на рождаемость как важнейший фактор его воспроизводства, влияют негативные процессы в половозрастной структуре населения. Они порождают падение суммарной рождаемости, продолжающееся в большинстве субъектов РФ, а также сокращение различий между городской и сельской территориями [6], причем уменьшения региональной конвергенции рождаемости не предвидится и в будущем [7]. Наблюдается также рост числа гражданских браков, распространение в обществе принципа бездетности семьи [8; 9] и др. Изменяется репродуктивное поведение женщин: повысился возраст рождения первого ребенка, снизилась доля женщин 20–24 лет в рождаемости детей, но увеличилась их доля в возрасте 30–34 лет [10]. Среди пяти показателей оценки демографического благополучия территории также отмечается как важный фактор наличие сбалансированной половозрастной структуры населения. ООН тоже рассматривает как важную цель устойчивого развития обеспечение гендерного равенства [11]. При оценке устойчивого развития региона в статье [12]

предлагается включать показатель «разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин» и отмечается, что он должен быть минимизирован. Но поскольку данный показатель определяется для гипотетического поколения, то, по нашему мнению, целесообразно включить в рассмотрение различие численности населения по полу в поселенческом аспекте.

В России сокращение продолжительности жизни мужчин в связи с распадом СССР и преобразованием экономики в рыночную было более чем вдвое выше по сравнению с женщинами, что привело к аномально высоким различиям населения по полу. Их максимальные величины превысили 13 лет в 1994 и 2005 годы [13]. Далее негативное воздействие на демографическую ситуацию оказали пандемия COVID-19 и ее последствия. Они тоже разрушают сбалансированность половозрастной структуры. В этих условиях важен также анализ официально зарегистрированных процессов брачности и разводимости как главного фактора воспроизводства населения. В связи с этим актуально исследование демографических процессов по полу в приграничных регионах, имеющих, как известно, высокую геостратегическую значимость [14]. На их развитие влияют факторы внутри страны, а также существенное воздействие оказывают сопредельные государства.

Методические аспекты исследования

Население региона нами рассматривается как сложная динамическая система, которая находится под прямым и опосредованным воздействием множества различных факторов. Ее особенности формируются экономической средой, географическим размещением территории, климатическими условиями, традициями предыдущих поколений и др. Во многих субъектах РФ имеет место длительная депопуляция населения, которая порождена происходящими неблагоприятными демографическими процессами. Прежде всего это касается семьи, она, безусловно, остается базовым институтом воспроизводства населения [15] даже с учетом развития новых репродуктивных технологий. Мы разделяем это мнение и считаем, что в РФ и её регионах следует рассматривать как приоритет демографической политики укрепление и развитие семейного образа жизни и его нравственных ценностей.

Предлагаемый методический подход к исследованию включает анализ динамики численности населения с учетом пола (раздельно женщин и мужчин) в длительной ретроспективе. Выявляются их особенности (схожесть и различие) не только на региональном уровне, но и для городских и сельских территорий. Количественная оценка тенденций динамики осуществляется на основе построения моделей трендов. При построении аналитических зависимостей трендов временных рядов демографических показателей использованы следующие обозначения: W_x , W_y — соответственно численность женщин и мужчин (тыс. человек); n — условный номер года. Для отражения анализируемой территории в моделях применены дополнительно индексы g и c (города и сельская местность), а также r (регион). Коэффициент детерминации традиционно обозначен R^2 . В анализе нами использованы линейные модели трендов, их математическая запись имеет вид: $W = b_0 + b_1n$, где b_0 — уровень тренда в момент времени $n = 0$; b_1 — среднее изменение показателя за единицу времени. В этой модели равнодействующая многих различных факторов, оказывающих влияние на анализируемый показатель, имеет примерно постоянную абсолютную скорость изменения.

Полученные результаты и их обсуждение

В Оренбургской области в XXI веке фиксируется депопуляция населения. Динамика численности населения Оренбургской области в 2000–2023 гг. (регион, города, села) и соответствующие линейные тренды приведены на рисунке.

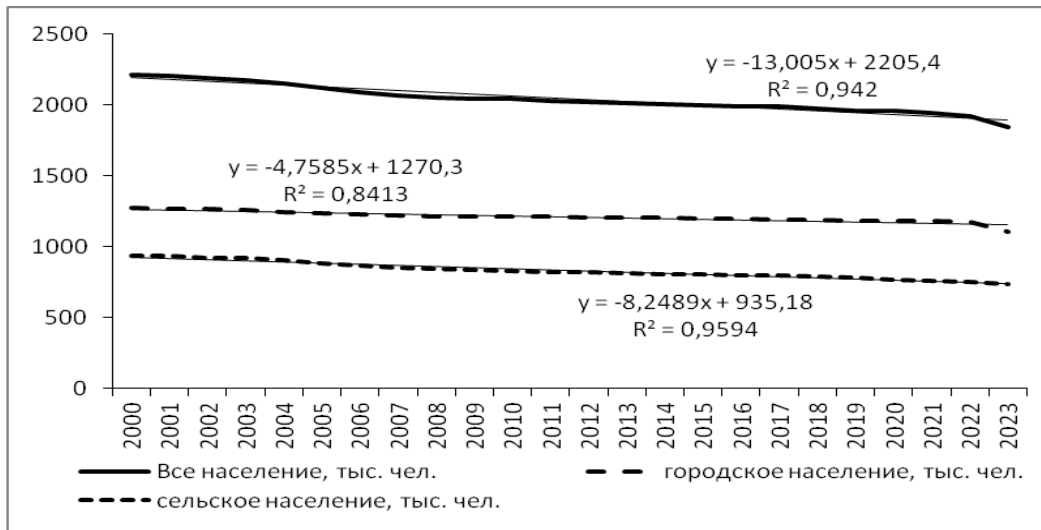

Рис. Динамика численности населения Оренбургской области и тренды показателей

Fig. Population dynamics of the Orenburg region and trends in indicators

Источник: составлено автором по данным Оренбургстата.

Source: compiled by the author according to Orenburgstat.

В этот достаточно длительный период происходит ежегодная убыль постоянного населения региона. По области спад в 2000–2022 гг. равен 286,63 тыс. человек (12,96 %), в городах — 96,88 тыс. человек (7,61 %), в селах — 186,74 тыс. человек (20,21 %). При этом важно, что среднее за период сокращение сельского населения вдвое выше городского [16]. В 2000–2023 гг., согласно моделям трендов, убыль сельчан составляет ежегодно в среднем 8248,90 человека, горожан — 4758,50. Отметим, что их отношение сократилось до 1,73 раза.

Учитывая, что в регионе удельный вес сельского населения по-прежнему высокий, в частности на 1.01.2022 он равен 38,9 %, что в 1,4 раза выше, чем в среднем по РФ, то такая убыль сельчан приводит к ежегодному снижению плотности населения на этой приграничной территории с протяженной (свыше 1600 км) внешней границей.

Анализ численности населения региона по месту проживания и по полу (табл. 1) показывает значительную убыль мужчин (W_u) и женщин (W_x) не только в городской, но и в сельской местности. То есть сокращение населения наблюдается и по полу.

Таблица 1

Численность населения Оренбургской области с учетом пола (человек)

Table 1

The population of the Orenburg region, taking into account gender (people)

	Годы	2000	2005	2010	2015	2020	2022	2022 к 2000 (+/-)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Население области	женщины	1168169	1131926	1092874	1070397	1045092	1026131	-142038
	мужчины	1043035	990533	949169	930713	911743	898447	-144588
	$W_x - W_u$	125134	141393	143705	139684	133349	127684	2550
	$(W_x - W_u) / W_u, \%$	12,0	14,3	15,1	15,0	14,6	14,2	2,2
Городское население	женщины	682368	670991	657983	651945	646238	639576	-42792
	мужчины	589930	566766	554222	546602	540331	535838	-54062
	$W_x - W_u$	92438	104225	103761	105343	105907	103738	11300
	$(W_x - W_u) / W_u, \%$	15,7	18,4	18,7	19,3	19,6	19,4	3,7

Окончание табл. 1
End of Table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сельское население	женщины	485801	460935	434891	418452	398854	386555	-99246
	мужчины	453105	423767	394947	384111	371412	362609	-90496
	$W_x - W_y$	32696	37168	39944	34341	27442	23946	-8750
	$(W_x - W_y) / W_y, \%$	7,2	8,8	10,1	8,9	7,4	6,6	-0,6

Источник: составлено автором по данным Оренбургстата.

Source: compiled by the author according to Orenburgstat.

За 2000–2022 гг. в городах убыль женщин составила 6,27 %, мужчин — 9,17 %. В селах убыль женщин равна 20,43 %, мужчин — 19,97 %. Значительный перевес численности женщин ($W_x - W_y$) в регионе наблюдается весь период, в городах наибольшее расхождение (свыше 105 тыс. человек) отмечено в 2006–2007 и 2015–2021 гг., в селах оно достигло более 40 тыс. человек в 2007–2009 гг. В городах доля женщин выше доли мужчин на 7,26 % в 2000 г. (на 1 января), наибольшее отклонение на 8,96 % было в 2019 г., затем плавное снижение до 8,82 % в 2022 г. В сельских территориях превышение доли женщин против показателя мужской популяции существенно ниже, оно равно 3,48 % в 2000 г., в 2009 г. достигло максимума 4,9 %, далее ежегодный спад до 3,2 % в 2022 г. Перевес женщин ($W_x - W_y) / W_y$ в абсолютных единицах в городах весьма значителен (близок к 20 %), в сельских поселениях он в основном ниже 10 %, в регионе он не превышает 15 % (за исключением небольшого периода).

За рассматриваемый период по региону численность женщин сократилась на 142 038 человек (на 12,16 %), убыль мужского населения была на 2 550 человек больше, по отношению к 2000 г. она составила 13,86 %. Сравнение потерь населения в Оренбуржье по полу позволяет отметить следующее: во-первых, в городах убыль мужчин больше на 11,3 тыс. человек относительно сокращения числа женщин; во-вторых, в сельской местности убыль женщин больше на 8,75 тыс. человек по сравнению с мужчинами; в-третьих, по региону в целом убыль мужчин больше на 2 550 человек, чем сокращение количества женщин. Следовательно, процессы депопуляции населения с учетом пола в городах и сельских территориях разнонаправленные.

Значительная часть миграционного оттока в другие регионы с городских территорий формируется за счет мужчин, поэтому образуется их большая убыль. На сельских территориях, наоборот, происходит миграция в города молодых женщин (они намного быстрее находят там работу), поэтому отмечается большой отток женщин. Эта тенденция характерна и для РФ в целом. В частности, указывается [14], что в стране среди сельского населения имеет место превышение мужчин, особенно в возрасте от 26 до 31 года.

На основе официальных статистических данных нами построены следующие аналитические зависимости трендов рассматриваемых показателей:

1) численность мужчин и женщин в городах:

$$W_{gx} = -1,8913n + 682,21; R^2 = 0,9358; \quad (1)$$

$$W_{gy} = -2,229n + 582,72; R^2 = 0,8997; \quad (2)$$

2) численность мужчин и женщин в сельской местности:

$$W_{cx} = -4,3335n + 487,22; R^2 = 0,9778; \quad (3)$$

$$W_{cy} = -3,9384n + 448,15; R^2 = 0,9185. \quad (4)$$

3) численность мужчин и женщин на региональном уровне:

$$W_{rx} = -6,2248n + 1169,4; R^2 = 0,9691; \quad (5)$$

$$W_{ry} = -6,1675n + 1030,9; R^2 = 0,9158. \quad (6)$$

В представленных уравнениях (1)–(6) коэффициент $R^2 \geq 0,9$ означает, что в этих моделях учетная вариация W как анализируемого признака, обусловленная влиянием на него временного фактора, равна или превышает 90 %. Иначе говоря, эти модели имеют высокое качество и в значительной степени соответствуют фактическим данным временных рядов.

Сравнительный анализ средних за период абсолютных приростов показателей трендов в моделях (1)–(6) позволяет количественно оценить процессы и отметить следующее: 1) в городах происходит более высокое сокращение мужчин, их численность снижается ежегодно в среднем на 337,7 человека больше, чем показатель у женщин; 2) в сельской местности, наоборот, среднее сокращение женщин за год больше по отношению к мужчинам на 395,1 человека; 3) по региону различие средних изменений убыли по полу невелико, ежегодная убыль женщин лишь на 57,3 человека превышает показатель мужчин; 4) в поселенческом аспекте средний спад за год в городах существенно меньше по сравнению с сельскими территориями: в мужской популяции в 1,77 раза, в женской в 2,29 раза.

Итак, региональные демографические процессы далеки от сбалансированности по полу. В сельских территориях половая структура населения более сбалансирована, превышение доли женщин против доли мужчин существенно меньше, чем в городах. Это обстоятельство дает возможность сельскому населению Оренбуржья по суммарному коэффициенту рождаемости пока еще несколько превышать уровень простого воспроизводства. Несмотря на длительное ежегодное снижение этого показателя, в селах в 2021 г. он равен 2,299 (выше уровня простого воспроизводства на 7 %), но в городах уже 1,333, по региону 1,545. По РФ показатели соответственно равны: 1,734; 1,436; 1,505; по Приволжскому федеральному округу (ПФО) — 1,797; 1,353; 1,442. То есть в Оренбуржье этот показатель по региону в целом выше за счет сельской местности.

Как уже говорилось ранее, важное значение имеет семья как основной фактор естественного воспроизводства населения. Для исследования состояния этого вопроса на региональном уровне применяют два относительных показателя на 1000 человек населения: число заключенных браков и число оформленных разводов. В 2019 г. в рейтинге по брачности регион занял 35-е место, а по разводимости — 52-е среди всех субъектов РФ [17]. В построенных типологиях регионов России Оренбургская область отнесена:

- по числу браков (6,3) — к 5-й группе, включающей 18 субъектов, из них 5 входят в состав ПФО (35,7 % от его 14 регионов); коэффициент по группе варьируется от 6,1 до 6,5;

- по количеству разводов — к 4-й группе, в которой 29 субъектов РФ (в том числе, как и ранее, 5 регионов ПФО), изменение показателя по группе — от 3,6 до 4.

Анализ динамики процесса брачности с 2010 по 2022 г. (табл. 2) показал, что число официально оформленных браков существенно понизилось к 2020 г., а затем ситуация изменяется и наблюдается ежегодное увеличение данных показателей в поселенческом аспекте. Но даже для достижения количества зарегистрированных браков уровня 2010 г. необходимо обеспечить в дальнейшем их рост в городах на 26,7 %, в сельской местности несколько больше — на 29,8 %.

Таблица 2

Браки, разводы и их соотношение (число разводов на 1000 браков)

Table 2

Marriages, divorces and their ratio (number of divorces per 1000 marriages)

Годы	Все население			Городское население			Сельское население		
	браки	разводы	k	браки	разводы	k	браки	разводы	k
2010	17616	9285	527	10129	6159	608	7487	3126	418
2020	10616	8200	772	6331	5051	798	4285	3149	735
2021	11849	9342	788	6991	5700	815	4858	3642	750
2022	12680	9565	754	7422	5781	779	5258	3784	720
2022/2010 (+/-)	-4936	280	227	-2707	-376	171	-2229	658	302
2022/2021(+/-)	831	233	-34	431	81	-36	400	142	-30

Источник: составлено автором по данным Оренбургстата.

Source: compiled by the author according to Orenburgstat.

Показатели разводов в поселенческом аспекте варьируют различно. В сельской местности в 2022 г. против 2010 г. наблюдается рост числа разводов на 21 %, при этом отношение числа разводов на 1000 браков (в таблице оно обозначено k) увеличилось на 72 %. В городах в этот период происходит снижение числа разводов на 6,1 %, а их число на 1000 браков возрастает лишь на 21 % (в 3,4 раза меньше, чем в селах). В регионе рост этих показателей равен 3 и 43 %.

В 2022 г. относительно 2021 г. зафиксировано увеличение числа браков как в селах, так и в городах. При этом по региону большинство мужчин (63,8 %) вступило в брачные отношения впервые, разведенных было 34,7 %, вдовых — 1,5 %. Женщин соответственно 62,3; 2,5 и 35,2 %. При регистрации около 38 % граждан не указали полученное образование. С учетом этого отметим, что наибольшую долю вступивших в брак мужчин составляют лица со средним профессиональным образованием (30,5 %), с высшим профессиональным образованием вдвое меньше (15,0 %); эти доли для женщин равны 26,9 и 18,8 %. То есть при создании семьи более ответственными являются лица, имеющие профессиональное образование. Число браков мужчин с неполным профессиональным и общими видами образования равно 16 %, женщин — 15,5 %. Число разводов также выросло, причем среди сельского населения показатель выше в 1,75 раза, хотя удельный вес сельского населения ниже городского в 1,5 раза. Доля детей, рожденных в 2022 г. вне брака, равна по региону 20,1 %, в городах — 17,5 %, в сельских поселениях — 23,9 %, что больше предыдущего года на 0,3 % как в поселенческом аспекте, так и по региону в целом. Область по уровню рождаемости (8,7 детей на 1000 человек населения) располагается на пятом месте среди субъектов ПФО.

В Оренбуржье в 2022 г. общий коэффициент брачности равен 6,9, разводимости — 5,2. По РФ они соответственно составляют 7,2 и 4,7, по ПФО — 6,5 и 4,2. В ПФО по общему коэффициенту брачности лидирует Пермский край (7,3), на 2-й позиции 4 региона, среди которых и Оренбургская область. По разводимости область занимает последнее, 14 место (лидирует Республика Мордовия — 3,1). Позитивным моментом для Оренбуржья является то, что число зарегистрированных браков существенно больше количества разводов. Но, к сожалению, по области общий коэффициент разводимости выше, чем в среднем по России, и наихудший среди субъектов ПФО. Высокая несбалансированность населения по полу оказывает сильное влияние как негативный фактор на изменение количества зарегистрированных браков и особенно числа разводов в сельской местности.

Заключение

Итак, в регионе сложились значительные диспропорции населения по полу, которые, в свою очередь, имеют свои особенности в зависимости от поселенческой территории (город или село). Несмотря на множество различных факторов, влияющих на численность населения региона с учетом пола и места проживания, динамика этих показателей такова, что их тренды представлены линейными моделями с высокими значениями коэффициентов детерминации. Наблюдается депопуляция численности мужчин и женщин как в регионе в целом, так и в городах и селах. Убыль мужчин в городах более высокая по сравнению с женщинами, в селах, наоборот, сокращение численности женщин более значительно. Но поскольку доля сельского населения в Оренбуржье весьма высокая (почти 40 %), то в регионе в целом преобладает убыль мужчин. В сельской местности этого региона суммарный коэффициент рождаемости намного превышает (на 58 %) показатель городского населения, за счет этого по региону он выше, чем в среднем по ПФО и РФ. Дисбаланс структуры населения по полу и негативные факторы внешней среды отрицательно воздействуют на изменение количества зарегистрированных браков и числа разводов, позитивным фактором для создания семьи является наличие профессионального образования. Полученные результаты будут полезны для обоснования демографической политики региона и при подготовке упреждающих мер по нейтрализации негативных явлений в этой сфере. В перспективе актуально исследование динамики формирования и сохранения супружеских пар как значимого фактора устойчивого роста репродуктивного потенциала территории.

Список источников

1. Архангельский В. Н., Потанина Ю. А., Хасанова Р. Р. Региональные различия естественного движения населения в России // *Народонаселение*. 2015. № 4 (70). С. 68–78.
2. Елизаров В. В. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // *Уровень жизни населения регионов России*. 2014. № 1. С. 57–72.
3. Boyle P. Population geography: Does geography matter in fertility research? // *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27. No 5. Pp. 615–626.
4. Arpino B., Tavares L. P. Fertility and values in Italy and Spain: A look at regional differences within the European context // *Population Review*. 2013. Vol. 52. No 1. Pp. 62–86.
5. Hank K. Regional fertility differences in Western Germany: An overview of the literature and recent descriptive findings // *International Journal of Population Geography*. 2001. Vol. 7. No 4. Pp. 243–258.
6. Трынов А. В., Костина С. Н., Банных Г. А. Исследование социально-экономической детерминации рождаемости на основе анализа региональных панельных данных // *Экономика региона*. 2020. № 3. С. 807–819. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-10>.
7. Шубат О. М. Региональная конвергенция рождаемости в России // *Экономика региона*. 2019. № 3. С. 736–748. DOI: 10.17059/2019-3-9.
8. Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // *Социологические исследования*. 2015. № 10. С. 177–185.
9. Seiffge-Krenke I. Changes in Fatherhood // *Family Diversity: Collection of the 3rd European Congress of Family Science*. MI, 2010. Pp. 167–182.
10. Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // *Экономический журнал ВШЭ*. 2017. Т. 21. № 1. С. 145–187.
11. Stiglitz, J. E., Sen, A., Fitoussi, J. P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf> (дата обращения: 22.03.2024).
12. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2018. № 2. С. 71–89.
13. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / под ред. С. В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2019. 79 с.
14. Васильева А. В., Морошкина М. В. Влияние фактора приграничного положения на экономические системы российских регионов // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2022. № 3. С. 56–69. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2022.77.004.
15. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2022 / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М.: Перспектива, 2022. 220 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022.
16. Чулкова Е. А. Исследование динамики демографических процессов в регионе // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2023. Вып. 4. С. 468–476. DOI: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2023-3-4-468>.
17. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры: Национальный демографический доклад — 2020 / отв. ред. С. В. Рязанцев. М.: Объединенная редакция, 2020. 156 с. DOI: 10.25629/НС.2020.13.01.

References

1. Arkhangelsky V. N., Potanina Yu. A., Khasanova R. R. Regional differences in the natural movement of the population in Russia. *Narodonaseleniye* [Population]. 2015. No 4 (70). Pp. 68–78. (In Russ.)
2. Elizarov V. V. Demographic development of Russia and its regions: general and special. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions]. 2014. No 1. Pp. 57–72. (In Russ.)
3. Boyle P. Population geography: Does geography matter in fertility research? *Progress in Human Geography*. 2003. Vol. 27. No 5. Pp. 615–626. DOI: 10.1191/0309132503ph452pr.
4. Arpino B., Tavares L. P. Fertility and values in Italy and Spain: A look at regional differences within the European context. *Population Review*. 2013. Vol. 52. No 1. Pp. 62–86. DOI: 10.1353/prv.2013.004.
5. Hank K. Regional fertility differences in Western Germany: An overview of the literature and recent descriptive findings. *International Journal of Population Geography*. 2001. Vol. 7. No 4. Pp. 243–258.

6. Trynov A.V., Kostina S.N., Bannykh G.A. Study of the socio-economic determination of fertility based on the analysis of regional panel data. *Ekonomika regiona* [Economics of the region]. 2020. No 3. Pp. 807–819. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-10. (In Russ.)
7. Shubat O. M. Regional convergence of fertility in Russia. *Ekonomika regiona* [Economics of the region]. 2019. No 3. Pp. 736–748. DOI: 10.17059/2019–3-9. (In Russ.)
8. Noskova A. V. New methodological approaches, research focuses, debatable problems of family sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research]. 2015. No 10. Pp. 177–185. (In Russ.)
9. Seiffge-Krenke I. Changes in Fatherhood. *Family Diversity: Collection of the 3rd European Congress of Family Science*. MI, 2010. Pp. 167–182.
10. Zhuravleva T. L., Gavrilova Ya. A. Analysis of fertility factors in Russia: what do the RLMS data from the National Research University Higher School of Economics say? *Ekonomicheskij zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. 2017. Vol. 21. No 1. Pp. 145–187. (In Russ.)
11. Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf> (accessed: 22.03.2024).
12. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Smirnov A. V., Fauzer G. N. Assessment of sustainable development of the northern regions of Russia according to demographic indicators. *Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta*. [Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University]. 2018. No 2. Pp. 71–89. (In Russ.)
13. *Demograficheskaya situatsiya v Rossii: novyye vyzovy i puti optimizatsii: natsional'nyy demograficheskij doklad* [Demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization: national demographic report]. Ed. S. V. Ryzantsev. Moscow: Publishing house "Econ-Inform", 2019. 79 p. (In Russ.)
14. Vasilyeva A. V., Moroshkina M. V. The influence of the border position factor on the economic systems of Russian regions. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poriyadka* [North and market: formation of economic order]. 2022. No 3. Pp. 56–69. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2022.77.004. (In Russ.)
15. *Demograficheskoye samochuvstviye regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskij doklad — 2022* [Demographic health of Russian regions. National Demographic Report — 2022]. Rep. ed. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova. Moscow: LLC ITD Perspektiva, 2022. 220 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022. (In Russ.)
16. Chulkova E. A. Study of the dynamics of demographic processes in the region. *Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University]. 2023. Vol. 4. Pp. 468–476. DOI: 10.34130/2070-4992-2023-3-4-468. (In Russ.)
17. *Demograficheskoye razvitiye Rossii: tendentsii, prognozy, mery. Natsional'nyy demograficheskij doklad — 2020* [Demographic development of Russia: trends, forecasts, measures. National Demographic Report — 2020]. Ed. S. V. Ryzantsev. Moscow: United Edition LLC, 2020. 156 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Чулкова Елена Александровна, доктор экономических наук, доцент, руководитель проекта, Корпорация безопасности (Российская Федерация, 620109, г. Екатеринбург, ул. Лиственная, д. 23)

Information about the author

Elena A. Chulkova, Doctor of Economics, Associate Professor, Project Manager, Security Corporation (23, Listvennaya St., Yekaterinburg, 620109, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию: 05.04.2024

Одобрена после рецензирования: 08.05.2024

Принята к публикации: 10.05.2024

The article was submitted: 05.04.2024

Approved after reviewing: 08.05.2024

Accepted for publication: 10.05.2024